

«... ВСЕ ЭТО ПРИНАДЛЕЖИТ МОСКВЕ...»

В 1966—1970 гг. в стране будет построено жилых домов общей площадью около четырехсот миллионов квадратных метров. На жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство в проекте Директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР предусмотрено ассигновать около 75 миллиардов рублей.

Для тех, кто умеет смотреть в будущее, за этими цифрами возникает новый облик городов и сел страны. В процессе большого строительства архитекторы и планировщики должны будут помнить и о малых деталях, помогающих сохранить черты истории и своеобразия лица города.

Публикуя сегодня статью С. Разгонова, редакция приглашает читателей включиться в обсуждение поднятого в ней вопроса — как наилучшим образом использовать памятники народной культуры, исторически сложившиеся ландшафты в новом строительстве, на чем должен быть облик наших городов.

ДОМ «БЛИЗ КАРЕТНОГО РЯДУ»

ЩЕПКИНУ. В Москве. Близ Каретного ряда. В приходе Спаса на Песках в собственном доме, что на монастыре, — с таким адресом посылал письма Н. В. Гоголь своему другу, великому русскому артисту.

Если со стороны Цветного бульвара, по узкому проулку, усаженному вековыми липами, подняться на невысокий холм, то без труда можно найти этот дом «близ Каретного ряда», где с 1830 до конца сороковых годов жил М. С. Щепкин. Правда, здешняя местность сильно изменилась с тех давних пор: ни церкви Спаса, ни погоста, ни монастыря не сохранилось. Кругом поднялись высокие кирпичные здания, и на их фоне еще контрастнее обозначились черты ушедшей Москвы...

Дом Щепкина одноэтажный, с мезонином и двумя низкими светелками, скромным фронтоном; деревянный, оштукатуренный — типичный представитель московской жилой архитектуры двадцатых годов XIX века. Фасад его расчленен трехчастным окном, венецианские окна мезонина разбегаются от центра, словно раскрытый стеклянный веер. При закате вся стена играет малиновыми отблесками, неуловимо вызывающая тонким стеклянным звоном. И до тех пор, пока в комнатах не зажгут свет, кажется, будто не окна это, а дрожащая стелая вода, какая бывает в прудах перед заморозками... Все в ней угадывается: и прошлое, и настоящее...

На южном фасаде дома по случаю восьмидесятой годовщины со дня смерти артиста появилась беломраморная доска: «М. С. Щепкину. Всероссийское театральное общество». Однако доска эта мало повлияла на судьбу домика, который не в меру ревнивые охранители мемориальных памятников хотели и вовсе снести, сняв было доску. Еще в прошлом веке хозяйка, купившая дом у Щепкина, сломала лестницу, ведущую от кабинета артиста на второй этаж. Снесли со временем и террасу, называемую «балконом», где гости Михаила Семеновича в летние дни собирались на чаепитие. А совсем недавно исчез из дома старинный сундук, на котором спал казачок. Нет и прежних входных дверей с лепными львами — некие мастера утащили. Сказали, «для реставрации».

Теперь здесь осталось несколько семей. Они хорошо понимают, в каком доме живут: В. М. Гаврилова, после того, как в дом провели центральное отопление, не сломала изразцовую с голубыми цветами печь, хотя она занимает большую часть ее комнаты. Н. К. Величко и А. А. Лихачева все делают, чтобы по возможности сохранить дом в неприкосновенности, но без помощи реставратора много ли успеешь? Поговорить с этими людьми — будто они прямые наследники Щепкина; чтят его память не в пример тем, кому поручено охранять мемориальные памятники. И хоть пока не музей здесь, а приходят к ним люди, интересуются; и каждому они расскажут: здесь был кабинет, здесь гости собирались, а в этой зале домашние Щепкина однажды устроили любительский спектакль.

Несмотря на некоторые переделки и утраты, дом Щепкина в конструктивном отношении сохранился неплохо. Архитектор Л. И. Антропов детально исследовал его и восстановил прежний план. Благодаря жильцам сохранились почти все печи, карнизы, двери, ручки, так что полная реставрация дома не представляет большого труда, тем более что сохранились некоторые старые чертежи, фотографии «балкона» с восьмигранными столбиками и точеными балюстрадами.

Есть много причин спасти это здание, вернуть ему прежнее, хоть и скромное, но характерное обличье — не потому только, что оно своеобразный архитектурный памятник, но более всего потому, что с ним связана целая страница в истории национальной культуры, что неотделимы от не-

го многие имена великих людей России.

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

С тех пор, как Михаил Семенович Щепкин в бывшем Спасском переулке (ныне улица Ермоловой) купил особняк у «майорской дочери Дарьи Яковлевны Заседкой», вся Москва собиралась здесь. Хлебосольный хозяин широко раскрыв двери своего дома для всех, кто нуждался в участии Щепкина: бедные студенты, начинающие актеры нашли под его крышей постоянный приют.

За стол в доме Щепкина садилось не меньше двадцати человек, членов семьи и гостей. А. Я. Панаева вспоминает: «Самовар подавался у Щепкина такой громадный, что пар от него валил, как из тендера». В один из июльских дней 1832 года на пороге обеденной залы впервые появился Н. В. Гоголь, почти во всех пьесах которого играл Щепкин. Во время шумного обеда постучали в дверь и в переднюю вошел никому не известный человек. Щепкин был несколько удивлен поведением посетителя, который медленно раздевался и затем, войдя в залу, обратился ко всем со словами веселой украинской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Все родичи гарбузовы...

Узнав в незнакомце писателя, счастливый Щепкин обнял Гоголя и усадил его за общий стол. Николай Васильевич Гоголь всегда, бывая в Москве, непременно заглядывал в дом с мезонином. Артист и писатель провели много радостных часов в беседах и за столом, когда Гоголь смеялся, шутил и придумывал винам названия вроде «Квартального» и «Городничьего», а пылавшей голубым пламенем горилке присвоил имя Бенкендорфа.

Близкие отношения связывали Щепкина с А. С. Пушкиным. Они часто встречались в Москве у Нащокина. В мае 1836 года поэт посетил Щепкина в его доме в Спасском переулке. В тот день Пушкин, восхищенный рассказами Щепкина, побудил артиста написать автобиографию и с присущей ему энергией, не откладывая дела в долгий ящик, сам взял перо, бумагу и под диктовку Михаила Семеновича записал первые строки знаменитых «Записок актера Щепкина»: «Я родился в Курской губернии Обоянского уезда в селе Красном что на речке Пенке...». Поневоле должен был Щепкин продолжать «Записки».

Высоко оценил эту книгу В. Г. Белинский, который тоже бывал в «доме близ Каретного ряда». В «Воспоминаниях» Панаевой есть такие строки: «У пещки, прислонясь, стоял белокурый господин; мне его представили, — это был Белинский. Он не принимал участия в общем разговоре, только понюхивал табак...». По сей день пещка, у которой стоял «белокурый господин», цела, и любому посетителю с охотой покажут ее теперешние жильцы дома Щепкина.

Бывал у М. С. Щепкина и А. И. Герцен, любивший слушать анекдоты и рассказы Михаила Семеновича. Некоторые из них послужили Герцену материалом для «Сороки-воровки». Посещала артиста вся просвещенная Москва: Т. Н. Грановский, С. Т. Аксаков, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, М. П. Погодин, создатель знаменитого «Древнехранилища». Здесь, в Спасском переулке, можно было встретить народного поэта Кольцова, писавшего Белинскому: «Был у Щепкина; он принял меня очень ласково... Говорят, что денежные дела его не так хороши, но он все одинаков: человек умный, добрый, теплый и милый».

Только по незнанию можно было запустить этот дом, превратить столь драгоценный памятник в унылое, об-

ветшавшее здание. Но история освещает вдруг таким светом закопченные потолки, что дом с мезонином на улице Ермоловой приобретает для нас неожиданное значение. Не от незнания ли страдают часто многие наши памятники, от незнания, которое Паустовский назвал «историческим невежеством»? А заглянешь в архив, поговоришь со знающим человеком — откроются глаза, и станет ценностью бревенчатая изба Петра Первого или простой деревянный стол, срубленный опальным патриархом Никоном в безмолвной келье Ферапонтова монастыря.

Конечно, реставрация дома Щепкина важна не только как памятника архитектуры, но и мемориального музея.

В его создании должны принять участие Литературный музей, Театральный имени Бахрушина, архивы, Всероссийское театральное общество и, конечно, Малый театр, на сцене которого сорок лет играл Михаил Семенович Щепкин. И тогда встанут на место двери с лепными львами, засверкают белозной потолка, зажгутся люстры, бросая теплые блики на латунные ручки. Заблестит паркет, словно из небытия появятся старинные кресла, столы, домашняя утварь, книжные шкафы с фоллиантами в кожаных переплетах и с золотым тиснением. А среди них — небольшая книжка, раскрытая на первой странице, — «Записки актера Щепкина» И по-прежнему будет звенеть звонок у входа в гостеприимный дом, возвещая, что не прекратилось паломничество к его великому хозяину...

ЗАПОВЕДНИК СТАРОЙ МОСКВЫ

Рядом с домиком Щепкина стоит под сенью тополей одноэтажный флигель, который тоже принадлежал Михаилу Семеновичу. Обшир он широким, вековой давности, тесом. Перед окнами фасада посажены кусты сирени и американский клен. Летом во флигеле жили гости артиста, но чаще обитала молодежь, отчего он назывался «студенческим».

Поодаль, один к одному, еще несколько деревянных домиков XIX века: на каменных подклетах, с небольшими окнами, увитыми хмелем; с палисадниками за зеленым штакетником, с малиновыми кустами и вишнями. Где крыльцо пристроено, где сенцы, где терраска, будто в деревне.

В одном из этих домиков, в подвале жила юная Ермолова, и, видимо, много утешений и сил давал ей в жизни образ Щепкина, дворового мальчишки, ставшего первым артистом России. Недаром именно М. Н. Ермолова на юбилее Щепкина в Малом театре читала стихи, обращенные к «старому другу, учителю незабвенному»:

Дни бегут — и все проходит мимо,
Но с тобой не рвется наша нить.
Мы клянемся свято, иерушимо
Эту связь великую хранить!..

Когда в морозное утро я стоял перед скромным домом актрисы (девushка лет двадцати помогла найти — ни доски, ни других примет не оказалось), невольно думалось о «великой связи» традиций, которая становилась еще более зримой оттого, что два дома — Щепкина и Ермоловой — стояли друг от друга в трех шагах, по случайности ли, по необъяснимым ли тайнам человеческих судеб.

Кругом была тишина, лишь изредка под ногами прохожих хрустел снег. Серебристо искрился воздух, пушистый иней скрыл наготу веток. Отчаянно шибела ветрами в надежде схватить несколько крошек у жирных голубей... Из труб медленно и прямо, словно березовые стволы, вырастали струи дыма. Ожил поэтический образ старой Москвы, наполнился звуками, красками. Новые дома не ме-

шали этому впечатлению, но сами почтительно стояли в стороне, не входя в круг нетронутой старины...

Мы много говорим о сохранении памятников прошлого, чаще всего защищая отдельные здания и подчас не замечая гибнущего исторического ландшафта, который сам по себе является памятником народной истории. Все больше меняется Москва. Шеренги железобетонных домов вытесняют светлые домишки и барачки окраин. И по большей части не приходится сожалеть об их неизбежной гибели. Но есть в Москве уголки, островки, сохранения которых требует развитое чувство истории, уважения к жизни предков. Не случайно поэтому в Праге сохранены целые мемориальные улицы, а поляки восстановили рядом с новой Варшавой средневековый район — Старе Место.

Несколько деревянных домиков, сохранившихся «близ Каретного ряда», — часть исторического ландшафта Москвы. Конечно, каждый домик в отдельности не храм XII века, но присутствие особняка Щепкина и дома Ермоловой, живописное расположение делают этот уголок своеобразным заповедником старой Москвы, где сохранились даже «каменные пальцы», столбики, ставившиеся перед воротами, чтобы пьяный извозчик не наехал на дом.

«Литературная газета» в ноябре прошлого года писала о печальной судьбе погодинского «Древнехранилища». М. П. Погодин, профессор истории Московского университета, построил двухэтажную избу, где собирал летописи, старинные книги, утварь, иконы. В его «Древнехранилище» мы встречаем едза ли не тех же лиц, которые посещали дом Щепкина. Предлагалось, чтобы уберечь избу Погодина от сноса, перевезти ее в Коломенское. Но вряд ли она придется к месту среди суровых бревенчатых башен из Карелии и Сибири. Оторванная от типичного городского ландшафта, она в значительной мере утратит свой колорит. Может быть, проще перевезти погодинскую избу поближе к домику Щепкина? «Древнехранилище» прекрасно впишется в ансамбль деревянных домиков, придав ему еще больше цельности и красоты, сделает его еще более ценным исторически.

В одном из домиков будущего заповедника можно открыть букинистический магазин, где будут продавать литературу о старой и новой Москве, о великих ее людях. В другом домике — небольшой музей городского быта середины XIX века... В третьем могут собираться любители московской старины, послушать рассказы археологов о раскопках кремлевского холма и в Кунцеве... А ведь рядом еще откроется «Древнехранилище» Погодина; посетителю заповедника покажут подвал, где жила Ермолова, поведут его по скрипучей лесенке в светелки Щепкинского дома, покажут кабинет и спальню артиста, кафельную пещку, у которой стоял Белинский, «студенческий» флигель... И в достоверности лиц и вещей перед ним откроется ушедшая, но живая эпоха.

Чтобы заповедник старой Москвы стал не мечтой, а реальностью, нужно немногое: переселить оставшихся жильцов, убрать заборы, гаражи, сараи, посадить кусты и деревья. Ремонт и реставрация домов не дороги и не сложны. К тому же найдется немало добровольцев, которые помогут очистить территорию: две соседние школы, клуб «Родина»... Так не пора ли всерьез подумать о заповеднике старой Москвы и создании музея М. С. Щепкина в доме «близ Каретного ряда»?

Однажды, в 1853 году, выступая на торжественном обеде перед московскими писателями и артистами, Михаил Семенович сказал, отвечая на приветствия: «...Все, что вы находите во мне достойным какой-либо оценки, принадлежит, собственно, не мне, — все это принадлежит Москве...». Расширяя смысл этих слов, можно сказать, что все, связанное с именем артиста, с именами его друзей и современников, с историей народа, — «все это принадлежит Москве», потому что мы единственные наследники. И надо с умом распорядиться бесценным наследием.

Сергей РАЗГОНОВ.